

Къ юбилею Гете

О Гете сказано и то, что о немъ все сказано. Это, быть можетъ, и не совсѣмъ вѣрно. Веймарская легенда мѣнялась въ теченіе столѣтія, а въ послѣдніе годы измѣнилась особенно сильно: германскимъ изслѣдователямъ такъ надоѣла стилизація Гете подъ олимпійскую куклу, что они стали предпочитать противоположную крайность, — въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ трудахъ бывшій «олимпіецъ» изображенъ невзрачнымъ типа героевъ Стриндберга или даже Пруста. У историковъ литературы и біографовъ теперь очень принято странное и забавное утвержденіе: каждому историческому періоду якобы полагается создавать «своего» Шекспира, «своего» Гете, «своего» Бетховена. Въ дѣйствительности, это означаетъ, что всѣ періоды одинаково занимаются стилизаціей, болѣе или менѣе условно, болѣе или менѣе добросовѣстно подбирая изъ милліона «фактовъ», относящихся къ жизни большого человѣка, тѣ, которые лучше отвѣчаютъ той или иной идеѣ біографа. «Французы видятъ въ Мирабо своего Геркулеса и они совершенно правы», — сказалъ какъ-то Гете Эккерману. — «Но они забываютъ, что и колоссъ состоитъ изъ отдѣльныхъ частей... Въ дѣйствительности, всѣ мы существа коллективные». Каждый біографъ подчеркиваетъ въ коллективномъ существѣ колосса что хочетъ.

Съ особенной же подозрительностью надо относиться къ тѣмъ біографамъ, которые въ предисловіяхъ къ своимъ книгамъ со скромно-торжествующимъ видомъ заявляютъ, что преодолѣли въ себѣ предвзятую идею: сначала, молъ, думали, какъ всѣ, но потомъ открыли настоящаго Шекспира, настоящаго Гете, — вотъ вамъ, господа, настоящій.

Небольшая замѣтка юбилейнаго характера никому ни для чего не нужна. И вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ, не откликнувшійся на юбилей Гете, погрѣшилъ бы противъ законнаго и прекраснаго литературнаго обычая: въ катастрофическія времена мы особенно обязаны помнить о безспорномъ. А Гете безспорнѣе всего и всѣхъ. Въ отдѣльныхъ областяхъ своей работы онъ несомнѣнно превзойденъ, — въ нѣкоторыхъ превзойденъ далеко. Какъ романиста, его и сравнивать нельзя съ Толстымъ. Какъ чистое воплощеніе ума, Шопенгауеръ, пожалуй, стоитъ еще выше, чѣмъ онъ. Какъ воплощеніе мудрости, Декартъ по меньшей мѣрѣ ему равенъ. Но въ совокупности, Гете, конечно, высшая идейная цѣнность всѣхъ временъ, самая великая умственная цѣнность исторіи.

Эта цѣнность однако въ настоящее время не котируется. Искусственный шумъ юбилея не долженъ скрывать отъ насъ правду. Къ Гете можно было бы отнести, съ легкимъ измѣненіемъ, общеизвѣстное слово Сіейеса: «Чѣмъ онъ долженъ былъ бы быть? Всѣмъ. Что онъ въ дѣйствительности? Ничто». Недавно одна изъ нѣмецкихъ газетъ произвела анкету среди молодыхъ людей, въ возрастѣ отъ 17 до 22 лѣтъ: что молодежь думаетъ о Гете? Результатъ оказался плачевный. Изъ большинства отвѣтовъ выяснилось, что молодежь вообще о Гете не думаетъ, — но это бы еще, конечно, полбѣды. Печальнѣе былъ тонъ великолѣпнаго пренебреженія, въ которомъ молодежь отзывалась о ненужномъ ей писателѣ, вдобавокъ въ разгаръ юбилейныхъ торжествъ: повидимому, гипнозъ официальныхъ и газетныхъ восторговъ произвелъ на нее весьма слабое дѣйствіе — или произвелъ дѣйствіе обратное.

«Сумерки боговъ» это легенда. Въ сумерки погружается міръ, въ которомъ боги появились.

Да, «будущіе хозяева жизни» не въ восторгѣ отъ Гете. Но, вѣроятно, и онъ не былъ бы въ восторгѣ отъ будущихъ хозяевъ жизни — и даже отъ нынѣшнихъ ея хозяевъ. «Что сказалъ бы Гете, если бъ онъ всталъ изъ гроба и увидѣлъ», и т. д., — литературный приѣмъ старенькій,

дешевенькій, однако, при своей бездоказательности, бесполезный: въ иныхъ случаяхъ отвѣтъ на этотъ риторическій вопросъ достаточно очевиденъ. Не вызываетъ онъ, по моему, сомнѣній и въ настоящемъ случаѣ. Въ нынѣшней Германіи, на примѣръ, Гете не могъ бы одобрить почти ничего. Вотъ развѣ ему понравился бы своей безспорной «ладностью» Гинденбургъ. И только.

Незадолго до смерти Гете узналъ, что въ древности существовала секта «гипсистеріевъ», которая, приглядываясь къ ученіямъ язычниковъ, христіанъ и евреевъ, выражала готовность «принять въ каждомъ то, что въ немъ есть совершеннаго». Старый мудрецъ пришелъ въ восторгъ: да онъ самъ былъ всю жизнь гипсистеріемъ и не имѣлъ объ этомъ понятія! Сдѣлаемъ, разумѣется, поправку на тонкій юморъ, который рѣдко покидалъ Гесе. Но вѣдь по существу это правда: онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ «гипсистеріемъ». Между тѣмъ, если есть что-либо вполнѣ чуждое современной жизни и особенно жизни германской, то, скорѣе всего, именно «гипсистеризмъ».

Поэтому ему лучше не вставать изъ гроба — въ міръ Сталина и Гитлера.

Онъ самъ нѣсколько загадочно говоритъ объ «уходѣ», какъ о праздникѣ. И не менѣе загадочно прибавляетъ:

«Heute geh'ich. Komm ich wieder,
Singen wir ganz andre Lieder...»

Онъ могъ бы, разумѣется, одобрить точную науку, — лучшее изъ всего созданнаго современной цивилизаціей. Но и то съ оговоркой: точная наука пошла не по тому пути, который онъ ей указалъ: «Geheimnisvoll am lichten Tag, Lässt sich Natur des Schleiers nicht berauben, Und was sie deinem Geist nicht offenbaren mag, Das zwingst Du ihr nicht ab mit Hebeln und mit Schrauben». Вся современная наука работаетъ именно «mit Hebeln und mit Schrauben».

Удивительно, что наименьшую долю своего пресловутаго «олимпійскаго спокойствія» онъ проявлялъ въ области точныхъ наукъ. О литературѣ, о политикѣ онъ говоритъ гораздо болѣе безпристрастно, чѣмъ о физикѣ или о геологіи. Въ спорѣ геологовъ-нептунистовъ съ геолога-

ми-вулканистами онъ принялъ сторону непунистовъ, которые не преувеличивали роли изверженій въ исторіи земли. Профессоръ Шафферъ объяснялъ это не безъ остроумія: Гете такъ ненавидѣлъ революціи, что не желалъ ихъ даже въ геологіи. Быть можетъ, вѣрно обратное: онъ въ политику перенесъ свои геологическіе взгляды.

Однако, тысячу разъ цитировавшійся (почти всегда съ восторженнымъ изумленіемъ) рассказъ объ іюльской революціи и о спорѣ Кювье съ Жоффруа-Сентъ-Илеромъ вызываетъ чувство неловкости и недовѣрія. Послѣ перваго извѣстія о революціонныхъ событіяхъ въ Парижѣ Соре прибѣжалъ къ Гете. Старецъ встрѣтилъ его взволнованнымъ восклицаніемъ:

— «Что вы скажете объ этомъ великомъ событіи? Началось изверженіе вулкана, все объято пламенемъ!»

— «Это ужасно! Чего ждать отъ такого министерства?»

— «Министерства?» — переспросилъ Гете. — «Да я вамъ говорю о великомъ спорѣ о первичномъ растеніи, который долженъ рѣшиться. Развѣ вы не знаете, что 19-го въ Парижской Академіи Наукъ произошло открытое столкновеніе между Кювье и Жоффруа-Сентъ-Илеромъ?»

Вотъ образецъ подозрительнаго рассказа, точно умышленно созданнаго для умиленія потомства. Ужъ слишкомъ все это ловко «сдѣлано» (по существу, слѣдовательно, неловко). Подозрителенъ этотъ безпричинный разговоръ обиняками («великое событіе», «вулканъ», «пламя»), подозрительно совпаденіе восклицаній, подозрителенъ и стиль Гете: онъ не говорилъ такъ пышно. Да и ничего катастрофическаго тогда въ Академіи Наукъ не произошло, — ни изверженія, ни пожара, — и слова эти совершенно не подходятъ, и споръ былъ старый. Думаю, что весь разговоръ Гете съ Соре очень прикрашенъ, если не просто выдуманъ, въ цѣляхъ начинавшейся олимпійской стилизации.

Эккерманъ рассказываетъ (этотъ говоритъ правду): онъ пріѣхалъ къ Гете вскорѣ послѣ того, какъ тотъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своего единственнаго сына. Бѣдный Эккерманъ провелъ бессонную ночь: какъ великій

человѣкъ перенесетъ такое несчастіе! «Я засталъ его совершенно спокойнымъ и веселымъ («vollkommen heiter und ruhig»). Мы съли и тотчасъ заговорили объ умныхъ вещахъ... Потомъ бесѣда коснулась великой герцогини, принца и многого другого. О сынѣ ни слова». («Seines Sohnes jedoch ward mit keiner Silbe gedacht»), — говоритъ со сдержаннымъ неодобреніемъ Эккерманъ.

Впослѣдствіи и это было использовано для той же олимпійской стилизациі. Появилась латинская фраза, сказанная имъ при полученіи извѣстія о смерти сына. Гете не любилъ своего сына и не безъ основанія считалъ его выродкомъ, но что-жъ тутъ было произносить латинскія фразы?

Использовано это было и для подтвержденія его вѣры въ вѣчную жизнь. О безсмертіи Гете говорилъ уклончиво, съ тѣмъ же легкимъ юморомъ. «Послѣ долгой и дѣятельной моей жизни, природа обязана дать мнѣ какую-либо форму безсмертія»... Что онъ думалъ о догматическихъ вѣрованіяхъ, достаточно извѣстно. Рѣзкость многихъ его словъ далеко превышаетъ Вольтеру. Онъ былъ человѣкомъ 18-го столѣтія. Грубо-насмѣшливые отзывы «олимпійца» о таинствахъ церкви напоминаютъ иныя замѣчанія Наполеона. Такъ Гете высказывался, въ злыя минуты, до конца своихъ дней.

Канцлеръ Мюллеръ сообщаетъ, что въ послѣдніе мѣсяцы жизни Гете вообще говорилъ почти исключительно въ ироническомъ тонѣ.

Любимая его мысль: «Надо, чтобы каждый зналъ свое ремесло, это первое дѣло». Самъ онъ хорошо знаетъ почти всѣ свои многочисленныя «ремесла». Физики его ксрили опытами по теоріи свѣта, — кто только не называеъ его диллетантомъ? Однако, со своими ошибками, онъ и въ физикѣ былъ освободителемъ.

Въ главномъ своемъ ремеслѣ онъ техникъ былъ необыкновенный. Гете рифмуеъ «планеты» и «кометы», рифмуеъ ihr и Shakespeare, но это литературное грансеньерство: «мнѣ все можно». У него же есть въ зародышѣ (и не только въ зародышѣ) почти всѣ приемы современнаго стихосложенія,

Романы Гете доказываютъ, что искусство все-таки идетъ впередъ и что произведенія искусства старѣютъ быстро, — не вѣчно почти ничто. Однако нѣкоторые его стихи доказываютъ обратное. «Ein gleiches», такъ странно переведенное Лермонтовымъ, вѣчно въ самомъ настоящемъ смыслѣ слова. Разумѣется, съ поправкой: «пока существуетъ нѣмецкій языкъ». Ужъ если Лермонтовъ не могъ перевести!..

Его литературная карьера была едва ли не самой блестящей въ исторіи. Столь же удачной была — правда, въ маломъ Веймарскомъ масштабѣ — и его политическая карьера. Да и въ человѣческой своей карьерѣ онъ былъ по видимости необыкновенно счастливъ..

Мнѣ какъ-то уже приходилось приводить автобіографическіе отзывы другихъ баловней счастья. «У меня не было въ жизни ни одного счастливаго дня, ни одного!» — сказалъ Анатоль Франсъ. «Халифъ Абдурахманъ имѣлъ въ жизни четырнадцать счастливыхъ дней, а я, навѣрное, не имѣлъ столько», — сказалъ Толстой. Добавлю теперь и слова Гете: «Меня всегда считали любимцемъ судьбы... А я могу сказать, что за семьдесятъ пять лѣтъ не зналъ и одного мѣсяца настоящаго счастья». Поистинѣ удивительно это совпаденіе, доходящее почти до тождества выраженій!

Добавлю также, что не было гадости, которой при жизни Гете не говорили бы о немъ, не было недостатка и порока, которыхъ ему не приписывали бы. Злословіе потонуло въ славѣ, — онъ былъ въ мѣру чувствителенъ и къ славѣ, и къ злословію.

Все это, конечно, нѣсколько условно.

Изъ упомянутой выше анкеты:

18-лѣтній гимназистъ отвѣчаетъ: «Безъ принужденія я Гете не читаю».

20-лѣтняя ученица танцевальной школы: «Я его не признаю» («ich habe ihn vollkommen abgelehnt»).

22-лѣтній студентъ-химикъ: «Оставьте меня въ покоѣ съ Гете... Онъ у меня изъ горла лѣзетъ, да и у другихъ, думаю, тоже, только они этого не говорятъ».

На другомъ уровнѣ культурѣ откликается знаменитый поэтъ: «Cet âne solennel de Goethe»...

Гете можетъ, разумѣется, обойтись безъ одобренія Клоделя. Но неодобреніе гимназиста и ученицы танцевальной школы было бы ему неприятно. Онъ говорилъ Эккерману: «Кто не ждетъ милліона читателей, тотъ не долженъ брать пера въ руки».

Онъ же, правда, сказалъ:

Spricht man mit jedermann
Da hört man keinen.
Stets wird ein anderer Mann
Auch anders meinen.

Болѣе утѣшительныя свѣдѣнія сообщаетъ испанскій писатель Ортега-и-Гассетъ: въ Испаніи женщины и теперь влюбляются въ Вертера, а, выходя изъ церкви, оглядываются по сторонамъ, — ужъ не смотритъ ли на нихъ какой-либо Фаустъ?

Очень можетъ быть. Боюсь только, что Гете тутъ ни при чемъ: это дѣло Массне и Гуно.

Беттина Brentano имѣетъ право на безсмертіе особаго рода: эта женщина ухитрилась сдѣлать смѣшнымъ Гете! Чуть ли не на его глазахъ Беттина изъ ревности дралась съ фрау-гехеймратъ, дралась въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова.

Арнимъ писалъ Гримму: «Вы не можете себя представить, въ какомъ ужасномъ обществѣ Гете живетъ. Жена отъ всѣхъ его отрѣзала!»...

Можно сдѣлать усиліе: отбросить мысленно поэта, философа, ученаго. Останется (условность понятна) человѣкъ Гете.

Шекспиръ, Платонъ таинственны. Но о нихъ мы ничего не знаемъ, какъ о людяхъ. Въ жизни Гете, напротивъ, извѣстны, прекрасно изучены всѣ однообразные дни. И нѣтъ человѣка таинственнѣе, чѣмъ онъ! Это впечатлѣніе остается и отъ біографій, и при чтеніи простодушнаго Эккермана. Видна стѣна изъ зеркалъ, а что за ней, все-таки неизвѣстно (вотъ только не «олимпійское спокойствіе»).

Непонятна и эта уѣздная жизнь предводителя литературнаго дворянства. Толстой не любилъ людей. Паскаль, Шопенгауеръ, Прусть людей ненавидѣли. Гете — по крайней мѣрѣ въ старости — былъ совершенно къ нимъ равнодушенъ. Онъ не уходилъ отъ міра, онъ отъ міра отгородился — наукой, литературой, чинами. Веймаръ былъ наиболѣе подходящимъ городомъ въ Европѣ для того, чтобы отдавать «обществу» возможно меньше времени.

Сельма Лагерлефъ его назвала «тайнымъ совѣтникомъ чловѣчества». Чловѣчество до Гете не доросло и, вѣроятно, никогда не доростетъ. Но отдѣльные люди всегда будутъ думать надъ разгадкой тайныхъ его совѣтовъ:

Des Propheten tiefstes Wort,
Oft ist's nur Charade.

М. Алдановъ.